

©

*Канаев Е.А.
НИУ ВШЭ,
ИМЭМО РАН*

ПРОБЛЕМА ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ: НОВЫЕ КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА

Проблема Южно-Китайского моря (ЮКМ) нуждается в новой методологии анализа с кардинальным обновлением категориального аппарата. Осознавая эту реальность, наиболее компетентные и дальновидные эксперты уже начали разрабатывать контуры нового подхода¹. Таковой тем более необходимо, что трансформируется как собственно проблема ЮКМ, так и условия, в которых ключевые игроки АТР формируют свою политику в ее отношении. Если сравнить противоречия из-за ЮКМ десятилетней давности и сейчас, то отличий между ними будет гораздо больше, чем общих черт. Предлагая миру новый мега-проект не только развития, но и, фактически, альтернативной глобализации, – «Один пояс, один путь» – Китай должен выработать его информационное оформление, в котором тема ЮКМ станет одной из центральных. Наконец, в современном мире растет влияние идей на мировые процессы, причем первые все заметнее определяют вторые.

Одной из таких идей должна стать категория «ответственность», причем в качестве не столько антипода категории «сила», сколько ее продолжения. Предлагая анализ рассматриваемой проблемы сквозь призму категорий «сила» и «ответственность», автор отталкивается от методологии, разрабатываемой коллективом Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова, предлагающей новаторский подход к угрозам азиатско-тихоокеанской безопасности².

Сила vs ответственность до решения международного арбитража

Анализируя проблематику ЮКМ сквозь призму категорий силы и ответственности, необходимо отталкиваться от специ-

фики противоречий. До решения Постоянной палаты третейского суда они проявлялись на трех уровнях. Первый представляет собой территориальные споры из-за суверенитета над отдельными участками суши архипелагов Парасельский и Спратли. Второй – противоречия между Китаем и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) относительно параметров урегулирования проблемы. Между Китаем и Ассоциацией проходят переговоры по замене Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. на Кодекс поведения. Третий – китайско-американские противоречия концентрирующиеся, в основном, на вопросе о свободе судоходства через ЮКМ³.

На уровне споров из-за суверенитета распределение силы и ответственности в подходах их участников традиционно было в пользу силы. В 1974 и 1988 гг. произошло два вооруженных столкновения между КНР и ДРВ и КНР и СРВ соответственно. С 2013 г. Китай проводит строительство искусственных насыпей на нескольких островах архипелага Спратли, одна из целей которых – создать условия для введения зоны ПВО над ЮКМ.

«Умная сила», под которой эксперты Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова понимают идеи и концепции, продвигаемые в экспертное и политическое сообщество с целью влиять на политические элиты и побуждать их к компромиссным решениям⁴, продемонстрировала свою ограниченность. Участники конфликта не предпринимали попыток выйти за рамки традиционных аргументов о «неоспоримости и законности» своих прав на спорные территории. В тех редких случаях, когда такие попытки все же проводились, – например, на академических конференциях, в ходе которых ученые разрабатывают возможности отложить спорные вопросы и заняться хозяйственным освоением перспективных участков ЮКМ – они, не находили практического продолжения.

На этом уровне проблемы «ответственность» понималась элитами лишь как ответственность перед гражданами своих стран. Поэтому категория «ответственность» не приглушала противоречия, а напротив, их подогревала. Причина тому – усиление влияния на общественные настроения национализма как основного фактора их консолидации. Освещающая 40-летие

битвы за Парасельские острова в январе 2014 г., СМИ СРВ ставили акценты иначе, чем прежде: от действий Китая пострадал не марионеточный Южный Вьетнам, «временно оккупировавший часть исконно вьетнамских островов», а весь вьетнамский народ⁵. Проблематика ЮКМ для расширения электоральной базы поднималась в ходе избирательной кампании президента Филиппин Р. Дутерте, хотя и без ярко выраженной антикитайской риторики.

На уровне взаимодействия АСЕАН – Китай стороны не ставили вопрос об ответственности – например, перед будущими поколениями, – зато примеров их нацеленности на то, чтобы подтолкнуть оппонентов к принятию собственных условий урегулирования конфликтов посредством давления более чем достаточно. Прокитайские условия Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. были обусловлены усилением возможностей Китая и стремлением АСЕАН решить спорные вопросы перед подписанием соглашения о Зоне свободной торговле Китай-АСЕАН. Одной из причин формирования диалоговой площадки Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 стало давление Китая на оппонентов в ходе проведения мероприятий по линии Совместной рабочей группы по внедрению в практику положений Декларации 2002 г.⁶. Наконец, разработка Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море вместо Декларации 2002 г. оказалась возможной благодаря активизации политики США, в том числе ее военного компонента, в отношении ЮКМ.

Китайско-американский уровень, несмотря на высокую конфликтность, был самым сбалансированным с точки зрения соотношения понятий «сила» и «ответственность». Проблема, однако, в том, что США и Китай трактовали эти категории по-разному.

Для Вашингтона понятие «ответственность» – это укрепление собственными усилиями региональной стабильности, которая была одним из ключевых факторов экономических успехов стран Тихоокеанской Азии в годы «холодной войны» и после ее окончания. Важные составляющие решения этой задачи – беспрепятственный проход военных судов США и их союзников через ЮКМ и проведение там иных мероприятий воен-

ного характера. В понимании Вашингтона, это составляет суть свободы судоходства в ее азиатско-тихоокеанской специфике. Даже гипотетическая вероятность нарушения свободы судоходства в ЮКМ неприемлема. Следуя этой логике, если Китай считает недопустимым сбор американскими кораблями информации военного характера в своей Исключительной экономической зоне, то он нарушает свободу судоходства. Свою ответственность США усматривали в пресечении таких действий путем наращивания собственного военного превосходства и сотрудничества с союзниками по альянсам.

Китай трактовал категорию «ответственность» принципиально иначе. Для Пекина ответственность имеет «внутрикитайское» измерение: Китай несет ответственность перед международным сообществом, повышая свои экономические возможности, которые, в свою очередь, будут выступать «драйвером» регионального и глобального развития. Это предполагает активизацию внешнеэкономической политики, частью которой являются перевозки по торговым путям ЮКМ. Недружественная политика США и их союзников в отношении проблемы ЮКМ подрывает основу создания мирной, стабильной и процветающей Тихоокеанской Азии – «двигателя» глобальной экономики.

Подводя итог рассмотрению «доарбитражного» периода эволюции проблемы ЮКМ с точки зрения категорий «сила» и «ответственность», подчеркнем главное: трактовка участниками противоречий своей ответственности изначально не была нацелена на поиск взаимоприемлемых решений. Соответственно, действия США, Китая и стран АСЕАН на основе понимания каждым из них своей ответственности не только не удерживали противоречия в контролируемых рамках, а напротив, «раскачивали» их.

Решение международного арбитража:

последствия для связки «сила-ответственность»

Вердикт Постоянной палаты третейского суда в Гааге, оглашенный 12 июля 2016 г., открыл новую страницу в истории конфликта в ЮКМ. Не пересказывая основные положения этого решения и отсылая читателя к нему напрямую⁷, выделим

его основные последствия для связки «сила» - «ответственность».

На уровне суверенитета окрепнут компоненты силы, а ответственность будет не приглушать противоречия, а лишь раскачивать их. Признавая, что суверенитет над морскими участками распространяется лишь на 12 морских миль от берега, решение Постоянной палаты третейского суда почти наверняка спровоцирует очередной всплеск национализма. Его будет подогревать то, что принятое решение формально дает возможности компаниям участников спора и их партнерам пригласить к освоению ресурсов ЮКМ внерегиональные компании. Отсюда – перспектива восприятия таких работ как «попрание нашего суверенитета путем разработки наших ресурсов на нашей территории без их справедливого дележа с нами».

Одним из следствий станет наращивание военно-морских потенциалов и гонки вооружений, т.к. разработка ресурсов потребует их охраны. Можно ожидать укрепления военного сотрудничества между странами ЮВА и их внерегиональными партнерами с целью провести демонстрационный эффект на Китай.

Наконец, решение Постоянной палаты третейского суда может «раскачать» проблему Парасельских островов, которая пока остается в управляемом состоянии. Вьетнамские специалисты уже высказали мнение, что если арбитраж признал, что даже «участок суши» Иту Аба не является островом, то такая трактовка применима и к Парасельским островам⁸. Отсюда – перспектива активизации политики СРВ в отношении Парасельского архипелага. Ее конкретные проявления спрогнозировать едва ли возможно, но в любом случае логично ожидать систематической эскалации китайско-вьетнамских противоречий.

На уровне АСЕАН-Китай произойдет размывание «умной силы» как АСЕАН, так и Китая.

В первом случае нанесен удар по такому компоненту асеановской «умной силы», как ее статус координатора азиатско-тихоокеанских многосторонних диалоговых форматов. Сам факт обращения Филиппин в инстанцию международного арбитража свидетельствовал о неспособности Ассоциации урегулировать проблему собственными усилиями. Добавим к этому

фактическое нарушение статьи 4 Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море, гласящее, что все противоречия должны быть урегулированы усилиями суверенных государств, непосредственно вовлеченных в конфликт (структуры международного арбитража не являются ни тем, ни другим). Тот факт, что заявка Манилы в гаагский арбитраж была подана через полгода после неспособности министров иностранных дел АСЕАН выступить с совместным заявлением по итогам 45-й встречи летом 2012 г., лишь усугубляет и без того проигрышную в репутационном плане ситуацию для АСЕАН.

После оглашения вердикта Постоянной палаты третейского суда между странами-членами АСЕАН вновь обострились разногласия. Если Вьетнам и Филиппины настаивали на включение в текст Совместного заявления по итогам 49 встречи министров иностранных дел АСЕАН положение о решении международного арбитража, то Камбоджа и Лаос были против. Принятие Совместного заявления не устранило принципиальные разногласия внутри Ассоциации⁹.

Ситуация для АСЕАН может стать не только проигрышной, но и даже патовой. С одной стороны, консенсус между ее участниками стал более затруднителен, чем раньше, а по мере развития Китаем проекта «Один пояс, один путь», сулящего государствам Индокитая колоссальный приток китайских инвестиций и технологий, желание этих стран дистанцироваться от проблем, не имеющих к ним непосредственного отношения, значительно возрастет. Соответственно, у АСЕАН возникнет естественное желание «отмежеваться» от решения международного арбитража, представив проблему ЮКМ как двусторонний вопрос между своими отдельными участниками и Китаем. С другой стороны, если у Ассоциации возникнет такое желание, осуществить его она не сможет. Хотя бы потому, что ее попытка сделать такой шаг поставит вопрос о сохранении ее статуса «движущей силы» региональных многосторонних переговоров по вопросам политики и безопасности, центральным из которых на сегодняшний день является проблема ЮКМ.

Что касается Китая, то стала очевидной его неспособность предложить АСЕАН новые идеи, способные сгладить остроту проблемы ЮКМ. С конца 1990-х и на протяжении 2000-х годов

в качестве такой идеи выступала необходимость налаживать экономическое сотрудничество с Китаем. Подписание Декларации поведения сторон в ЮКМ произошло одновременно с подписанием соглашения о Зоне свободной торговли Китай – АСЕАН (*China – ASEAN Free Trade Area – CAFTA, КАФТА*), при том, что асеановцы изначально усматривали в КАФТА залог повышения собственной конкурентоспособности, ради чего можно было пойти на уступки по проблеме ЮКМ¹⁰. Эти настроения изменили события 2010 г., когда первые результаты КАФТА оказались далеки от ожидаемых, а на ханойской сессии Регионального форума АСЕАН (АРФ), реагируя на обвинения Х.Клинтон в нарушении свободы судоходства в ЮКМ, Ян Цзечи заявил: «Факт таков, что Китай – большая страна, а остальные – маленькие страны»¹¹. В 2013 г., предложив АСЕАН т.н. «модель 2+7», Пекин не смог насытить ее содержанием, способным снять озабоченности Ассоциации по проблеме ЮКМ. Наконец, результаты реализации проекта «Один пояс, один путь», часть которого пойдет через ЮВА, может привести к тому, что приток и объемы китайских инвестиций будут поставлены в зависимость от покладистости Ассоциации по проблеме ЮКМ. Это не устранил, а лишь усилит антикитайские настроения в странах азиатского юго-востока – при том, что после решения Постоянной палаты третейского суда Китай не отказался от продолжения строительных работ на островах Спратли¹².

На уровне китайско-американских отношений можно ожидать усиления компонентов силы. Разногласия между Китаем и США обострились уже через две недели после оглашения вердикта международного арбитража по ЮКМ: США подталкивали АСЕАН к включению положения о решении арбитража в текст Совместного заявления по итогам 49 встречи министров иностранных дел Ассоциации¹³, в то время, как Китай в диалоге с АСЕАН как единым целым настаивал на соблюдении положений Декларации поведения сторон в ЮКМ, не допускающих интернационализации проблемы¹⁴.

При дальнейшем развитии эскалации китайско-американских противоречий у Китая скорее раньше, чем позже возникнет соблазн объявить о создании Зоны ПВО над ЮКМ.

В этом случае риск встреч боевых самолетов США и КНР многократно увеличится. Пекин может подтвердить Закон КНР о территориальном море и прилежащей зоне, принятый в 1992 г., особо подчеркнув, что для маневров и иных действий военного характера с участием иностранных боевых судов нужно получить специальное разрешение правительства КНР. Со своей стороны, США активизируют проведение в ЮКМ операций по обеспечению свободы судоходства (*Freedom of Navigation Operations – FONOP*). Это усилит риск столкновений между китайскими и американскими боевыми кораблями.

На отношения между КНР и США в ЮКМ будет влиять сотрудничество между США и Японией, активизировавшееся после подписания новых Руководящих принципов в области обороны в апреле 2015 г. Их акцент на «бесшовном» (*seamless*) взаимодействии¹⁵ может привести к тому, что США подключат Японию к сбору информации военного характера в Исключительной экономической зоне КНР. Подписание соглашения США, Австралией и Японией совместного заявления о более активной координации действий, в том числе в отношении вопросов, связанных с ЮКМ¹⁶, а также перспектива участия Японии в американо-филиппинских военно-морских учениях Баликатан¹⁷, усилят компоненты силы в американо-китайском взаимодействии.

Несмотря на то, что китайско-американские противоречия могут отчасти компенсироваться стремлением, хотя бы декларативно, Пекина и Вашингтона соотносить свои действия с Меморандумом о взаимопонимании по правилам поведения для безопасности в случае столкновений на море и в воздухе¹⁸, подписанным Китаем и США в ноябре 2014 г., тенденция к силовому противостоянию Пекина и Вашингтона в ЮКМ стала гораздо более заметной.

Констатируя перспективу усиления элементов силы на трех уровнях проблемы ЮКМ, отметим, что вопрос об ответственности может надолго потерять свою актуальность. Тем самым экспертное сообщество объективными обстоятельствами побуждается в разработке принципиально нового подхода к проблеме, в содержании которого значение понятия «ответственность» будет иметь тенденцию к усилению.

Контурь нового подхода

Ставя вопрос об ответственности применительно к проблеме ЮКМ, важно учитывать низкую эффективность предыдущих попыток снизить ее остроту. Разрабатывая новый подход, необходимо положить в его основу три компонента. Первый – выработать понимание ответственности, разделяемое если не всеми игроками, имеющими интересы в ЮКМ, то, как минимум, большинством из них. Второй – развивать один или несколько проектов сотрудничества с глобальным измерением и сильным консолидирующим элементом. Третий по порядку, но отнюдь не по значимости – реалистично оценивать потенциал этого проекта.

В современных международных условиях выработка общего понимания категории «ответственность» крайне затруднительна. Причина кроется даже не в усилении элементов соперничества в российско-американских и китайско-американских отношениях. Решение Постоянной палаты третейского суда по ЮКМ привнесло сильный элемент неопределенности в состояние проблемы и перспективы ее эволюции. В таких условиях более уместно было бы начать со второго компонента поставленной задачи, т.е. двигаться от практики к теории, приступив к реализации проектов с отчетливым консолидирующим компонентом.

Такие проекты может предложить Россия. Учитывая, что противоречия из-за ЮКМ в значительной степени обусловлены спорами из-за условий добычи и дележа энергетических ресурсов, Россия могла бы поставлять больше таких ресурсов в страны АТР. Противоречия относительно свободы судоходства могли бы стать менее острыми, если Россия предложит своим тихоокеанским партнерам разрабатывать и совместно использовать альтернативные маршруты грузоперевозок – через Транссибирскую магистраль и Северный морской путь. Однако на сегодняшний день потенциал этих направлений сотрудничества не разрабатывается. Например, в 2015 и 2016 гг. через Северный морской путь (полное использование маршрута) было осуществлено 18 и 19 проходов судов соответственно¹⁹.

Россия могла бы предложить, а при возможности и возглавить, процесс разработки документа под условным названием «Соглашение о всеобщем морском достоянии АТР» на основе Соглашения о предотвращении столкновений в открытом море и воздушном пространстве над ним, подписанном США и СССР в 1972 г.²⁰. Площадкой для обсуждения и последующего принятия такого соглашения является Восточноазиатский саммит, а его подписантами – все участники ВАС.

Сразу необходимо отметить: подготовить такой документ будет крайне непросто. Хотя бы потому, что сделать это было сложно даже на двустороннем – китайско-американском – уровне, и будут ли стороны неукоснительно соблюдать положения Меморандума о взаимопонимании по правилам поведения для безопасности в случае столкновений на море и в воздухе – большой вопрос. Равно как нет гарантий, что на это будут нацелены Китай и страны АСЕАН, даже после подписания Соглашения о предотвращении инцидентов в Южно-Китайском море²¹. Наконец, вышеупомянутое советско-американское соглашение предстоит адаптировать к современным реалиям – хотя бы потому, что оно было разработано в иных исторических условиях между двумя сверхдержавами.

Тем не менее, сам процесс работы над таким документом перспективен с точки зрения усиления компонентов ответственности в подходах стран АТР к противоречиям из-за ЮКМ.

У США появится реальная возможность сотрудничать с Россией. Москва и Вашингтон смогут отладить алгоритм такого взаимодействия на азиатско-тихоокеанском направлении, «выпустив пар из котла» и отделив противоречия по европейским вопросам от того, что можно и нужно совместно делать в Азии.

Есть основания считать, что Китай не будет против такого шага: разработка вышеупомянутого соглашения может быть не только увязана с развитием проекта Морской шелковый путь XXI века, но и облегчить его реализацию. Если в Соглашении не будет затронут вопрос о суверенитете, беспокоиться Пекину не о чем.

Есть основания ожидать позитивного отклика от АСЕАН. Работа над Соглашением подтолкнет Ассоциацию к выводу о том, что ей можно не опасаться блокирования России и Китая по проблеме ЮКМ. О подобном повороте событий лидеры АСЕАН не могли не задуматься после российско-китайских учений в ЮКМ и поддержке РФ позиции КНР, не признавшей решение Постоянной палаты третейского суда²².

В целом, есть основания считать, что Россия может и должна оказать влияние на формирование условий для усиления компонентов ответственности в подходах участников противоречий из-за ЮКМ к данной проблеме, реально содействуя снижению ее остроты. Остается надеяться, что, осознавая свои возможности, РФ предпримет действия по их практической реализации.

Выводы

После решения Постоянной палаты третейского суда произошло падение управляемости проблемы ЮКМ. Снизилась эффективность инструментов поддержания проблемы в управляемых рамках: фактически, ни один из них не справляется с этой задачей.

Констатируя нарастание элементов конфликтности в эволюции проблемы ЮКМ, отметим и неизбежность качественного переосмысления и практической «перезагрузки» подходов сторон к источникам противоречий. Это тем более важно, что эффективность прежних подходов долгое время оставалась низкой: фактически, ни один из них не привел к желаемым результатам. Следовательно, их кардинальный апгрейд является велением времени.

Его проведение потребует не менее качественной «перезагрузки» мышления на основе переосмысления категориального аппарата проблемы и подходов к ней. Отмечая, что в новом подходе категория «ответственность» будет играть одну из ключевых ролей, хочется надеяться, что политика России создаст необходимые условия для его формирования и претворения в жизнь.

¹ См., например: Mosyakov D. The Conflict in the South China Sea and Possible Ways to Resolve It. // Security and Cooperation in the South China Sea. М.: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 2014. P. 292-297.

² Формирование новой системы транстихоокеанской безопасности и сотрудничества. Научный доклад/ Отв. ред.: В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М: ИМЭМО РАН. 2013; Дисбалансы транстихоокеанского пространства. Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М: Магистр. 2014; Транстихоокеанская безопасность: иерархия силы и ответственности. Отв. ред.: В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН. 2016.

³ Канаев Е.А. Десятилетие стратегического партнерства АСЕАН-Китай и проблема Южно-Китайского моря: к итогам Форума высокого уровня. Актуальный комментарий ИМЭМО РАН. 6 августа 2013. URL: // http://www.imemo.ru/files/File/ru/comment/comm_2013_028.pdf

⁴ Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В.Михеева, В.Г.Швыдко. М.: Магистр. 2014. С. 37.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Подробнее см.: Канаев Е.А. Совещание министров обороны АСЕАН+8 // Север - Юг - Россия. 2013. М.: ИМЭМО РАН. 2014. С. 116-118.

⁷ Press Release. The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China). The Hague. 12 July 2016. // <https://pca-cpa.org/wp-content/uploads/sites/175/2016/07/PH-CN-20160712-Press-Release-No-11-English.pdf>

⁸ Le Hong Hiep. Perspective from Vietnam. ASEAN Focus. Special Issue on the South China Sea Arbitration. July, 2016. P. 21. // <https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ASEANFocusSChinaSeaArbitration.pdf>

⁹ Подробнее см.: Канаев Е.А. АСЕАН и проблема Южно-Китайского моря: к итогам 49-й встречи министров иностранных дел АСЕАН. Актуальный комментарий ИМЭМО. 2 августа 2016. // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2536

¹⁰ Канаев Е. АСЕАН-КНР: новая парадигма отношений в сфере безопасности. // Проблемы национальной безопасности во внешней политике Китая. М.: ИМЭМО РАН. 2005. С. 107-121.

¹¹ Pomfret J. U.S. Takes a Tougher Tone with China. The Washington Post. 30 July 2010. // <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/07/29/AR2010072906416.html>

¹² См., например: Panda A. South China Sea: Is China Considering Construction Work at Scarborough Shoal Again? The Diplomat. 18 March 2017. URL: // <http://thediplomat.com/2017/03/south-china-sea-is-china-considering-construction-work-at-scarborough-shoal-again/>

- ¹³ Lee M. Kerry urges Southeast Asia unity on South China Sea disputes. The Jakarta Post. 25 July 2016. // <http://www.thejakartapost.com/seasia/2016/07/25/kerry-urges-southeast-asia-unity-on-south-china-sea-disputes.html>
- ¹⁴ Joint Statement of the Foreign Ministers of ASEAN Member States and China on the Full and Effective Implementation of the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. 25 July 2016. // http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1384245.shtml
- ¹⁵ The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. April 27 2015. // <http://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf>
- ¹⁶ Joint Statement of the Japan-United States-Australia Trilateral Strategic Dialogue. Media Note. Office of the Spokesperson. Washington, DC. July 25 2016. // <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/07/260442.htm>
- ¹⁷ Mendez C. Japan to Join Phl-US Balikatan. The Philippine Star. 14 January 2017. URL: // <http://www.philstar.com/headlines/2017/01/14/1662522/japan-join-phl-us-balikatan>
- ¹⁸ Memorandum of Understanding between the Department of Defense of the United States of America and Ministry of National Defense of the People's Republic of China Regarding the Rules of Behavior for Safety of Air and Maritime Encounters. // <https://www.hsdl.org/?view&did=787565>
- ¹⁹ Vessels Transited NSR in Y2015. Centre for High North Logistics (CHNL) Information Office. URL: // http://www.arctic-lio.com/docs/nsr/transits/Transits_in_2015.pdf; Vessels Transited NSR in Y2016. Centre for High North Logistics (CHNL) Information Office. URL: // http://www.arctic-lio.com/docs/nsr/transits/Transits_2016.pdf
- ²⁰ Agreement Between the Government of The United States of America and the Government of The Union of Soviet Socialist Republics on the Prevention of Incidents On and Over the High Seas. 25 May 1972. // <http://www.state.gov/t/isn/4791.htm>
- ²¹ Joint Statement on the Application of the Code for Unplanned Encounters at Sea in the South China Sea. Vientiane, 7 September 2016. URL: // <http://asean.org/storage/2016/09/Joint-Statement-on-the-Application-of-CUES-in-the-SCS-Final.pdf>
- ²² См.: Путин: Россия солидарна с КНР, не признавшей решение суда по Южно-Китайскому морю. Информационное агентство России ТАСС. 5 сентября 2016. URL: // <http://tass.ru/politika/3595565>